

К проблеме изучения обычного права у аборигенов Западной Сибири

М. А. Зенько

It is carried out a theoretical analysis of the term "common law" and the problem of common law historiography among the native peoples of West Siberia is arised. It is marked, in particular that special investigations of this problem having been very popular in XIX — beginning of XX centuries practically stopped in the soviet period and only during the last two decades they began to attract attention of specialists in hystory. Analysing the field materials the author makes a conclusion that common-law standards remain among the native peoples of West Siberia at present which makes them possible to be studied by ethnographical methods.

Изучению различных проблем этнографии коренного населения западносибирского Севера посвящено значительное количество работ, как дореволюционных, так и современных. Однако среди последних практически нет исследований, в которых рассматривалось бы обычное право аборигенов Западной Сибири в целом.

До сих пор наиболее информативными в этом отношении остаются труды путешественников и ученых XVIII — начала XX вв., являющиеся важнейшими источниками для изучения обычного права обских угров и самодийцев, а также архивные материалы, относящиеся к этому времени. Здесь, пожалуй, следует особо выделить работы профилированного характера, такие как "Сборник обычного права сибирских инородцев", вышедший в Варшаве в 1876 г., "Юридические обычаи остяков Березовского округа", "Юридические обычаи остяков Сургутского округа", "Юридические обычаи самоедов Березовского округа" — статьи А. И. Дмитриева-Мамонова и К. М. Голодникова в "Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.", "Юридические обычаи маньсов" К. Д. Носилова, изданные в 1888 г., "Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии" А. Г. Воронова, опубликованные в "Записках РГО по отделению этнографии" в 1900 г., а также некоторые другие исследования и путевые записки, в которых содержится немало важных материалов и конкретных сведений по данной теме, в частности труды Г. И. Новицкого, В. Ф. Зуева, М. А. Кастрена, С. К. Патканова, А. А. Дунина-Горкавича.

Среди этнографической литературы послереволюционного периода, затрагивающей отдельные вопросы этой проблематики, необходимо отметить работы, посвященные общественному устройству малочисленных народов Севера. Исследуя различные стороны социальной организации западносибирских угров и самодийцев, анализируя их родо-племенные образования, семейнородственные, соседские и другие связи и отношения, ученые-сибиреведы уделили известное внимание и их обычному праву — это В. П. Евладов, Г. А. Старцев, М. Б. Шатилов, С. В. Бахрушин, Н. Н. Степанов, В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих, А. И. Мурзина, Г. И. Пелих, З. П. Соколова, В. Г. Бабаков, И. Н. Гемуев и др.

Вместе с тем на сегодняшний день нет ни одной специальной работы, где на основе этнографических свидетельств и других материалов и источников была бы дана адекватная характеристика обычного права аборигенов Северо-Западной Сибири. Более того, в современной российской этнологической науке эта область знаний практически не представлена.

К сожалению, приходится констатировать и тот факт, что вся литература, касающаяся вопросов обычного права обских угров и самодийцев, имеет достаточно ограниченный подход к данной проблематике: работы дореволюционных авторов охватывают (и то лишь частично) только определенный период развития норм обычного права у малочисленных народов, а в публикациях советских ученых оно рассматривается преимущественно как источник по исследованию социально-экономического развития этих этносов.

Отсутствие в настоящее время должного внимания к указанной теме объясняется, на мой взгляд, несколькими причинами: многогранностью вопроса, требующего привлечения разнообразного и широкого круга источников из различных, в том числе смежных, областей науки, необходимостью длительной, кропотливой, по возможности — стационарной работы непосредственно в среде изучаемого народа, а также неразработанностью теории обычного права и методики его изучения, отвечающих современному уровню развития этнографической и юридической наук. Пожалуй, последняя причина наиболее весома и требует рассмотрения в первую очередь.

Обращаясь к истории изучения обычного права и развития этой области знаний в России, нельзя не назвать таких видных исследователей и теоретиков этнографии права, как М. М. Ковалевский и А. М. Ладыженский, основные работы которых не утратили теоретического значения до сих пор. Научная деятельность первого пришлась как раз на тот период, когда изучению народных правовых обычаев в России стало уделяться заметное внимание. С середины XIX в. царское правительство, опираясь на проводившиеся в то время исследования общеправовых норм российских этносов и используя в своих интересах их традиционные народно-юридические институты, пыталось распространить и укрепить свое влияние на окраинах страны.

Тенденция во внутренней политике царской России к сохранению традиционных форм хозяйства, образа жизни и социального устройства коренных народов проявлялась и в более ранние периоды русской истории. Так, правительственным документом 1728 г. “Инструкции пограничным дозорщикам” относительно нерусского населения Сибири предусматривалось сохранение в компетенции аборигенного суда отдельных видов преступлений и принятие решений по этим делам на основе традиционных правовых обычаев [Ямал..., 1995, с. 126].

Обычное право в XVIII–XIX вв. занимало прочные позиции в жизни местного населения российских окраин. Политика приспособления и использования в интересах империи традиционных общественных институтов была сопряжена с преодолением барьеров правовых обычаев, и все это вынуждало правительственные органы считаться с силой обычного права. Одним из наиболее важных документов того времени — “Уставом об управлении инородцев Сибири” 1822 г., разработанным под руководством крупнейшего государственного деятеля М. М. Сперанского, — определялись принципы правительственной политики в отношении аборигенного населения Сибири и практические пути ее воплощения. Устав подробно регламентировал организацию управления коренным населением и практически узаконивал традиционные формы землепользования, а также предусматривал необходимость кодификации правил традиционного суда, которыми, как и прежде, разрешалось руководствоваться при разбирательстве мелких уголовных и гражданских дел своих сородичей родовым старостам или головам [Судьбы..., 1994, с. 6–7].

В конце XIX в. в Санкт-Петербурге было открыто отделение обычного права Юридического общества, а при этнографическом отделении Русского географического общества работала Комиссия по изучению обычного права [Бабич, 1995, с. 153]. Одновременно с обстоятельным изучением началась систематизация обычно правовых норм российских этносов по основным направлениям. Политический интерес к обычному праву со стороны правительственных органов стимулировал внимание к народным юридическим обычаям и государственных служащих, и ученых — юристов, этнографов, историков, а также любителей-краеведов. К рассматриваемому периоду относятся и те специальные работы, посвященные обычному праву аборигенов Северо-Западной Сибири, которые были названы выше. Их появление также было результатом целенаправленной государственной политики и активного развития данного научного направления.

В первые десятилетия XX в. развитие юридической этнографии в России продолжалось традиционными для этой области науки путями. Особый вклад в 20-е гг. в разработку ее теоретической и методологической базы внес А. М. Ладыженский, который в отличие от своих предшественников и коллег, изучавших институты обычного права в отрыве от общих культурологических и социально-экономических процессов, первым поставил вопрос о синтезировании в исследованиях по этнографии права трех методов: эволюционно-натуралистического, историко-типологического, социально-экономического, а также проанализировал такие основополагающие понятия, как “обычай” и “обычное право”. Обычное право он представлял как совокупность определенных правил поведения, обязательных для всех членов общества и регулирующих отношения между ними [Ладыженский, 1995, с. 159–160].

В настоящее время как среди этнологов, так и среди юристов существует несколько подходов к пониманию обычного права в целом и его определению в частности. В советской науке обычное право считалось объектом изучения нормативной этнографии (точнее, такого ее подраздела, как юридическая этнография, или этнография права), хотя выделение ее как особой дисциплины до некоторой степени условно [Свод..., 1988, с. 112–113]. Таким же условным мне представляется и деление предмета исследования нормативной этнографии — на бытовую юридическую (этнография права) и этическую культуру (этнография морали), которые, несомненно, взаимопроникаемы, особенно в области изучения форм социальной регуляции в доклассовых обществах, и подчас разделить их достаточно трудно, как и определить их соотношение в качестве источников для изучения этнических традиций. Сама категория “социальная норма” в нормативной этнографии весьма запутана [Там же, с. 91–92] и требует серьезной критики, поскольку ее определения вполне применимы и к таким понятиям, как “право” (в объективном смысле), “мораль”, “обычай” [Суханов, 1976, с. 10–11]. Нечеткая формулировка задач нормативной этнографии как этнологической дисциплины и смежность входящих в ее поле зрения предметно-исследовательских интересов обусловили отождествление некоторыми советскими историками отдельных норм обычного права с этическими нормами поведения. Кроме того, до сих пор неясным остается вопрос о названии этой субдисциплины, изучающей этнические традиции в период возникновения и развития ранних форм права: или это юридическая этнография, или юридическая антропология. Последнее наиболее употребимо в западной науке, хотя встречается и в работах российских исследователей, либо их работы к названному направлению относят зарубежные ученые. Наиболее точным, на мой взгляд, является такое традиционное название этой области науки, как юридическая этнография, или этнография права, так как она существует в качестве самостоятельной научной отрасли и изучает, в первую очередь, не проблему происхождения права (что делает, кстати, юридическая антропология, являясь составной частью всеобщей истории права), а этнические черты и традиции ранних форм права, к которым относятся первобытное и обычное право [Венгеров, Куббель, Першиц,

1984, с. 92]. Здесь следует подчеркнуть, что обычное право выступает как “наиболее этнический” источник среди других форм или источников права (прецедентного и статутного), что, очевидно, обуславливает предметно-исследовательскую специфику такого научного направления, как юридическая этнография, или этнография права.

Теория обычного права разрабатывалась в России в конце XIX — начале XX вв. в основном на материале по народам Северного Кавказа и русским. В значительно меньшей степени исследованы общеправовые нормы обских угров и самодийцев, хотя накопление соответствующих данных началось еще в XIX в. Хотелось бы остановиться лишь на некоторых, наиболее ценных в этом отношении работах. Одним из первых этнографических трудов, содержащих немало важных и интересных сведений по обычному праву этих народов, является “Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов” В. Ф. Зуева. В исследовании приводятся факты существования у хантов и ненцев обычаев обязательного гостеприимства и дарения, выплаты калыма за невесту, свободы развода для женщины, многоженства (у “богатых”), сорората, левирата и других форм брака, а также указание на имевшие место разбирательства отдельных ссор и обид судом посредников и “князцов”, причем последние “окладу” за это не имели, а “о других важных делах” просили выше [Зуев, 1947, с. 51–52, 61–63]. В. Ф. Зуевым описан такой любопытный ненецкий обычай (являющийся несомненно пережитком родового строя), как обязательное распределение калыма за невесту между всеми ближайшими родственниками, а также отмечены следующие хантыйские обычаи: избегание невесткой и тестем, зятем и тещей друг друга, длительная разлука невесты со своими родителями после свадьбы [Там же, с. 61–62].

Характеристика внутрисемейных и внутриродовых отношений у манси, основанных на обычном праве, содержится в работе известного исследователя этого народа К. Д. Носилова. Он подробно рассмотрел их систему наследования, правила развода (как и Зуев, указал на свободу развода для женщины), вопросы землепользования и родовой собственности. Судя по его материалам, часть угодий, наиболее ценных для промысла, принадлежала всем общинникам и использовалась сообща, охотиться в чужих владениях категорически запрещалось [Носилов, 1888, с. 65–68]. В то же время границы родовых угодий четко не определялись, но их знали все, и родовая собственность у манси стояла на первом плане. Хотя труд К. Д. Носилова и представляет достаточный интерес как специальное исследование по этнографии права манси, все же некоторые формулировки и положения спорны и требуют уточнений.

Более конкретной и содержательной в описании общеправовых норм хантов и селькупов представляется работа А. Г. Воронова. Так, например, он подробно описал свадебные обычаи обоих народов, порядок выплаты калыма родителям невесты и приданого жениху, а также правила развода и возвращения назад приданого и калыма при разводе и другие обычаи, регулирующие семейно-брачные отношения [Воронов, 1900, с. 8–23]. Автор указал на характерные как для хантов, так и для селькупов обычаи гостеприимства и взаимопомощи, рассмотрел правила закрепления за определенными поселениями или родами “отдельных пространств земли” и применения наказаний за промысел в чужих угодьях [Там же, с. 4–6, 27, 44]. Им же отмечено, что договоры и обязательства скреплялись родовыми тамгами, и приведены сведения о многих других “юридических обычаях” хантов и селькупов.

Данные о судопроизводстве на основе обычного права у хантов в случаях “вторжения на чужую территорию” имеются и в большом монографическом труде А. А. Дунина-Горкавича. Он дал краткую характеристику аборигенных судебных институтов (родовые управы и сход у хантов, родовые старосты у ненцев), привел факт использования хантами при судебных разбирательствах медвежьей клятвы, а также пытался анализировать и критиковать несоответствующие “требованиям жизни северного инородческого населения” государственные законы (“Положение об инородцах”, “Устав о податях” и др.), которые к тому времени достаточно активно воздействовали на весь традиционный уклад жизни аборигенов, в том числе на их обычное право [Дунин-Горкавич, 1995, с. 77–78, 142–144].

Однако влияние российской государственности еще долгое время не могло изменить правосознание обских угров и самодийцев и полностью вытеснить из их жизни нормы обычного права. Первой судебной инстанцией у аборигенов вплоть до 1930-х гг. оставалось родовое или юртовое управление (или совет), занимающееся судопроизводством мелких уголовных и гражданских дел на основе обычного права, что официально закреплялось многими документами советских государственных органов [Судьбы..., 1994, с. 101, 109–111, 146–149].

Факты существования и практика использования норм обычного права в жизни автохтонного населения Севера Западной Сибири наблюдались в конце 1920-х гг., и описаны исследователем Ямала В. П. Евладовым и известным ученым-угроведом В. Н. Чернецовым. В ходе ямальских экспедиций 1926, 1928–1929 гг. В. П. Евладовым были собраны ценнейшие материалы по обычному праву ненцев. В частности, им подробно описаны существовавшие у них в то время традиционные формы взаимопомощи и взаимокредитования, механизм выплаты калыма (объем отданных по калыму оленей в 1928 г. составлял 2,2 % от всего оленпоголовья Ямала), формы дарения и некото-

рые другие нормы обычного права [Евладов, 1992, с. 154, 155, 161, 168–173]. Следует отметить, что В. П. Евладов работал по специально составленной программе изучения обычного права.

Во втором десятилетии нашего века юридическая этнография в России продолжала традиции дореволюционных исследований: особо важное значение придавалось максимально полной и профессиональной фиксации правовых обычаев, что могли осуществить лишь специалисты [Ладыженский, 1995, с. 164].

Основываясь на собственном богатейшем полевом материале по общественному строю обских угров, собранном в 20–30-х гг., В. Н. Чернецов рассмотрел в своих работах юридическое значение таких признаков рода, как тамга и кровная месть [Чернецов, 1947, с. 163–165, 179–183]. Им же по данным этнографии отмечен бытовавший у хантов интересный и важный для дальнейшего изучения этой проблемы обычай — табуация священных мест и прилегающих к ним территорий [Там же, с. 173–174].

К сожалению, в этнографических исследованиях последующих десятилетий, имевших целью теоретическое и фактологическое исследование различных сторон общественного устройства малочисленных народов Севера, вопросы обычного права рассматривались в значительно меньшей степени, можно сказать, *volens-nolens*, вследствие очевидной связи некоторых норм обычного права с родовым строем. То же самое относится и к работам историческим, посвященным главным образом изучению законодательной политики самодержавия в отношении сибирских инородцев и поэтому лишь косвенно затрагивающим проблему обычного права [Кодан, 1990, с. 192–193].

Несмотря на неослабевающий и даже возросший в последние годы интерес со стороны историков к законодательной деятельности Российской империи относительно коренного населения Сибири, до сих пор недостаточно изученными остаются вопросы использования институтов обычного права в юрисдикционной деятельности государства и, с другой стороны, влияние российского законодательства на нормативную культуру аборигенов. Особого внимания в этом отношении заслуживают работы известного ученого-сибироведа В. А. Зибарева, в которых исследуются вопросы судебно-правового комплекса коренного населения Сибири и которые имеют в целом историко-юридическую направленность. Опубликованные им источники по данной теме представляют огромный интерес для специалистов по этнографии права, а его монография [Зибарев, 1990] является первой и пока единственной попыткой обобщения материалов по обычному праву народов Западной Сибири. Вместе с тем содержащаяся в книге детальная характеристика юридического строя у малочисленных народов Севера (общественный строй и управление, судостроительство и судопроизводство, юридические обычаи и др.) совсем не опирается на современные этнографические материалы, на что как на необходимое условие для более полного и всестороннего изучения обычного права аборигенов Сибири указывает и сам автор [Там же, с. 198]. В работах других историков данная проблема также рассматривается не как явление этнической культуры, а с точки зрения развития и трансформации институтов обычного права в рамках государственно-правовой системы. Между тем именно этнографический подход позволяет получить обстоятельный анализ обычного права обских угров и самодийцев [См., напр.: Мартынова, 1995].

Непосредственные полевые наблюдения последних лет позволяют утверждать, что в жизни аборигенов Северо-Западной Сибири некоторые нормы обычного права сохраняются и в наши дни. Так, в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 1996 г. нам удалось зафиксировать следующие характерные для обычного права обских угров традиционные правила (многие из них описаны авторами вышеназванных работ): гостеприимство и взаимопомощь, усыновление сирот, свободные формы брака и развода, право на личное имущество при разводе, на изготовленную своими руками вещь, табуация священных мест и др. Здесь названы только те обычаи, которым нашлось фактическое подтверждение в наши дни. Однако от некоторых информаторов (в основном людей очень пожилого возраста) получены сведения и о других нормах обычного права, относящихся к более раннему времени — 1930–1940-м гг., а ныне уже не практикуемых в обыденной жизни хантов и манси. Думается, что в отдельных районах проживания коренного населения пока еще возможен сбор фактических материалов по обычному праву, благодаря которым станет осуществим полный анализ данной проблемы.

Рассматривая современные методологические подходы к исследованию обычного права, следует подчеркнуть важность использования специальных методов изучения права и государства — конкретно-социологического, формально-юридического, сравнительно-правового, а также необходимость знания теоретических аспектов правовой стороны этой проблемы и особенностей этнической среды, в которой предстоит работать, опираясь на методы этнопсихологии и полевой этнографии.

ЛИТЕРАТУРА

Бабич И. Л. А. М. Ладыженский — исследователь обычного права народов Северного Кавказа // ЭО. 1995. № 4. С. 152–156.

Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. Спб., 1900. 429 с.

- Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И. *Этнография и науки о государстве и праве* // Вестник Академии наук. 1984. № 10. С. 88–101.
- Дунин-Горкавич А. А. *Тобольский Север* // М.: Либерия, 1995. Т. 1. 376 с.
- Евладов В. Л. *По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг.* // Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 281 с.
- Зибарев В. А. *Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.)* // Томск: Томск. ун-т, 1990. 208 с.
- Зуев В. Ф. *Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772)*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 96 с.
- Кодан С. В. *Законодательная политика российского самодержавия в отношении коренных народов Сибири в 1800–1850 гг. в освещении советской историографии* // *Межнациональные отношения и национальная политика в СССР: Тез. докл. Омск, 1990. С. 191–194.*
- Ладыженский А. М. *Методы этнологического изучения права* // ЭО. 1995. № 4. С. 157–165.
- Мартынова Е. П. *Общественное устройство в XVII–XIX вв.* // *История и культура хантов*. Томск: Томск. ун-т, 1995. С. 77–120.
- Носилов К. Д. *Юридические обычаи маньсов* // *Сборник материалов по этнографии*. М., 1888. Вып. 3. 322 с.
- Свод этнографических понятий и терминов*. М.: Наука, 1986. Вып. 1. 238 с.; 1988. Вып. 2. 224 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: Сб. документов*. Тюмень, 1994. 320 с.
- Суханов И. В. *Обычаи, традиции и преемственность поколений*. М.: Политиздат, 1976. 216 с.
- Чернецов В. Н. *К истории родового строя у обских угров* // СЭ. 1947. Т. 6, 7. С. 159–183.
- Ямал — знакомый и неизвестный* // Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 238 с.

Тюмень, Институт проблем освоения
Севера СО РАН